

## ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.134.2–131.091

**В. П. Григорьев**

### **Роль эпоса в национальном самосознании испанского народа**

В статье ставится вопрос об отсутствующих жанрах общенациональной значимости в литературах близких народов. Национальное сознание, как сознание государственной общности, формировалось на Пиренейском полуострове в то время, когда народное самосознание еще недостаточно пробудилось. Более того, развитие национального сознания включало в себя одинаковость или похожесть составляющих общекультурной и исторической ситуации, в частности, отсутствие письма в обществе, застойность средневекового уклада жизни, невыделенность личного авторского «я» из коллективного. Немаловажно было и то, что национальное движение обратного завоевания под знаменем Испании началось именно на севере страны, где ни язык Рима, ни его нравы не могли пустить глубокие корни. Можно утверждать, что, хотя появление древнейших жанров в романских странах возникло сравнительно рано, его письменная реализация заметно отстала. Последние данные по проблеме не были использованы ни Пидалем, ни следующими исследователями. Более того, во всех книгах и статьях, посвященных романскому эпосу, вопрос о влиянии на него германского эпоса даже не ставился. Это заставляет искать решение загадки и определяет необходимость решать ее на принципиально новых основаниях, что мы и пытались сделать в этой статье.

**Ключевые слова:** национальное самосознание, эпос, отсутствующие жанры.

**V. P. Grigoriev**

### **Epos Role in National Consciousness of the Spanish People**

In the article is raised the question about absent genres of the national importance in literatures of close peoples. National consciousness as consciousness of the state generality was being formed in the Iberian peninsula when the national consciousness was not sufficiently cleared up. Moreover, the development of the national consciousness included similarity or resemblance of components of a common cultural and historical situation, in particular, absence of writing in the society, stagnation of a medieval way of life, non-allocation of personal author's "I" from collective. There was also that national movement of a return conquest under the banner of Spain started exactly in the north of the country where neither the language of Rome nor its customs could start up deep roots. It is possible to assert that though appearance of the most ancient genres in the Romance countries arose rather early, its written realization considerably fell behind. Last data on the problem were not used neither by Pidalem nor following researchers. Moreover, in all books and articles devoted to the Romance epos, the question about the German epos influence on it wasn't put up at all. It forces to search solution of this puzzle and defines the necessity to solve it on essentially new bases that we tried to do in this article.

**Keywords:** national consciousness, the epos, absent genres.

Вынесенная в заголовок проблема связана с другой, более широкого плана, проблемой «отсутствующих жанров» общенациональной значимости в литературах близких народов. Например, отсутствие эпоса в итальянской литературе. Эта проблема не раз поднималась наукой и не находила в ней прямого решения. Интересны с этой точки зрения попытки разрешения проблемы, вылившиеся в признание связи общенациональных жанров с развитием национального сознания (самосознания). Отсутствие эпоса в определенной национальной культуре, скорее всего, связано с особенностями «эпического» мышле-

ния и компенсировано созданием жанра квази-эпического, более или менее проникнутого национальной идеей эпического размаха (например, «морской» эпос Португалии, выделяемый из «Луизиад»).

Если принять за доказанное утверждение, что формирование национального сознания испанцев началось в X–XI вв., а практически закончилось к XVI в., добавить к этому положение Пидала и ряда других исследователей о том, что испанский эпос архаичнее французского и, следовательно, сохранил в значительно более полной мере наследство героической поры сложения нации, то

перед исследователями истории испанского языка и литературы встают следующие взаимосвязанные проблемы: сравнительно позднее развитие национального сознания испанцев, при том что развитие это постоянно подстегивалось очередными завоевателями (римляне, готы, арабы). Национальное сознание как сознание государственной общности, формировалось на Пиренейском полуострове в то время, когда народное самосознание этнической общности еще недостаточно пробудилось, и различия между римлянами и готами не были до конца преодолены; организация отпора арабским завоевателям легла в основном на плечи определенного, этнически обособленного, общественного слоя, а не всего населения Испании.

Король Альфонс II, основавший многие города в конце VIII – первой половине IX в., восстановил действие забытых вестготских законов. В наиболее чистой форме вестготские традиции проявились на северо-западе (Галисия, Астурия). На северо-востоке также длительное время сохранялось вестготское сословное деление и законы («Фуэро Хузго»). Поэтому авторы хроник IX–XI вв. всех без исключения испанцев называли готами. В связи с тем, что римское население Пиренеев своего эпоса не знало, оно было вынуждено принять поэтическую форму военных песен германцев-готов. Тому способствовала и общая борьба тех и других под знаменем религиозного единства.

Исследования первых десятилетий XX в. показали, что в XI в. французские жонглеры именно из Испании заимствовали грубую и неупорядоченную форму германо-романского эпоса, подняв ее у себя на родине до больших художественных высот. Существуют на этот счет и другие мнения, но здесь нам не хотелось бы включаться в спор, длящийся почти столетие. Более перспективным представляется то обстоятельство, что в результате продолжительной дискуссии в разработке эпической темы возник новый аспект – проблема германского происхождения испанского эпоса. Впервые она была поставлена Пидалем, но вскоре им же и оставлена. До последнего времени проблема в целом не была сколько-нибудь серьезно разработана и другими исследователями.

Остается нерешенным и вопрос о германском влиянии на французский эпос, хотя и здесь появился новый аспект. Если испанский эпос древнее французского, и, как утверждают исследователи, на французский эпос повлиял испанский, а

не наоборот, то германское влияние на французский эпос – явление вторичного порядка (через испанский). Таково мнение А. Хамеля, Т. Фрингса, Д. Нортэна и многих других. И все же это частный вопрос по отношению к главному: что дает установление связи с германским эпосом романскому и, в нашем случае, испанскому литературоведению?

Если, как писал Пидаль, своеобразие испанского эпоса заключалось в его исключительной приверженности к наиболее древним формам поэтического или образного мышления, то именно испанский эпос представлял для историка языка и литературы великолепное поле для исследования. Историческое исследование особенностей эпической формы выявляет тот непреложный факт, что основной испанской и всех романских литератур был не только первоначально существовавший национальный язык, но и национальные традиции, обычаи, привычки, особенности национального мышления и поведения. Среди этого многообразия язык служил своего рода поправочным коэффициентом. Принятие приведенного вывода снимает наиболее серьезные возражения против германского влияния на сложение испанского эпоса.

Гипотеза о германском происхождении испанского эпоса и способ ее доказательства Пидалем, равно как и его гипотеза о германских корнях французского эпоса, практически никогда не воспринималась всерьез последующими исследователями. Даже те немногие из них, кто последовал за Пидалем, не смогли обнаружить достаточно веских доказательств его правоты, которые сложились бы в систему. Разрозненные факты и предположения очень редко убеждают. Так и случилось.

Попытаемся обобщить и привести в систему материал, накопленный к настоящему времени. Для этого выделим из совокупности вопросов, входящих в исследуемую здесь проблему, те, что уже решены наукой и не нуждаются в доказательствах, и обратимся к тем, которые еще не решены.

На сегодняшний день не требуется доказывать: присутствие у готов эпического сознания, равно как и эпика, явившейся его реальным воплощением; наличие военных песен как особого жанра, скорее всего, продукта разложения готской эпика и, одновременно, существование военных песен как материала для создания новой эпика испанцев типа позднейших *romances poticos*; факт эпического мышления, самой эпика

и особых людей для ее исполнения у испанцев в X–XII вв., а возможно, и позднее; временной разрыв между готским и новым испанским государствами составлял всего три века (V–VIII вв.), что позволяет допустить возможность прямого заимствования традиции военных песен готского типа; бесписьменная традиция исполнения военных песен у готов могла повлиять на появление похожих военных песен в бесписьменной традиции нового испанского государства.

Последующему моменту способствовали следующие обстоятельства: одинаковость (или похожесть) составляющих общекультурной и исторической ситуации, в частности, бесписьменность общества; застойность средневекового уклада жизни; невыделенность личного авторского «я» из коллективного «я» как в одном, так и в другом случаях; типологическая характерность черт национального эпоса, принадлежавших к его четвертой ступени (по Чедвику); связанность с готами донационального сознания испанцев в VIII–IX вв. через важнейшие атрибуты общественной жизни: государственную власть, судебную систему, помощь готов соседних стран в борьбе с арабами и др.

Немаловажным был и тот факт, что национальное движение обратного завоевания, уже не под римским орлом, а под знаменем Испании, началось именно на севере Испании, в особенности в горных местностях, где ни язык Рима, ни его нравы и учреждения никогда не могли пустить глубокие корни.

Нужно отметить и двойственный характер языковой ситуации в X–XI вв. С одной стороны, латынь, на которой уже не говорили в народе, служила большой цели – поддержке местных центристических сил, направленных на объединение страны. С другой стороны, романский язык, на котором народ говорил, еще не мог тогда выполнять государственных функций и потому в большей мере был нужен центробежным силам. При этом в войсках, где практически использовали романский язык, идеи объединения реализовывались в совместной борьбе против «неверных» арабов. Эта реализация проявлялась, в частности, в создании военных песен, воспевавших успехи своих и клеймивших позором врагов.

Возвращаясь к гипотезе Пидалея сегодня, можно утверждать, что, хотя сама возможность появления военных песен, а затем и феодально-рыцарского эпоса, возникла в романских странах сравнительно рано («Песнь о Роланде» – VIII в.),

ее письменная реализация заметно отстала. Напомним, что германская «Песнь о Нибелунгах» (события V в.) была зафиксирована лишь в XIII в., а «Песнь о Хильтибранте» (события того же V в.) получила письменное воплощение в начале IX в. Другими словами, германский эпос реально существовал, хотя и не был закреплен на письме, в то время, когда происходили события, легшие в основу романского эпоса.

Последние данные не были использованы ни Пидалем, ни последующими исследователями. Более того, практически во всех книгах и статьях, посвященных романскому (даже французскому) эпосу, вопрос о влиянии на него германского эпоса даже не ставился. Сегодня в этом отношении господствует один девиз: «Не отдадим немцам нашего "Роланда"!». Хотелось бы подчеркнуть, что в V–XII вв. Европа, включая Русь, представляла собой территорию, в странах которой эпическое сознание народов было в общих чертах единым. Так что вопрос о германском влиянии на испанский эпос является не выдумкой исследователя, а реальностью европейской и испанской литературы. Напомним и о том, что исландские саги также сформировались как письменный жанр только к X в., а их влияние на французский эпос – историческая реальность.

Время эпического мышления в Испании наступило позднее, чем во Франции, где оно возникло, скорее всего, в период от конца жизни Карла Великого до начала феодальных войн за власть его детей и внуков. Вероятно, к тому времени у бывших граждан Римской империи эпическое мышление еще не сформировалось. Несомненно, его сложению способствовало наследство варваров – германских племен, захвативших в V в. территорию Испании и Франции. Однако к VIII–IX вв. в Испании начнет пробуждаться тот дух, который потом назовут «готским духом» (*soberbia gótica*). Он возникает как продолжение традиций еще не забытых предков завоевателей. Этот дух обнаружится и в переселенцах из Франции, которые шли через Каталонию для ее защиты и заселения. Он наполнит души жителей севера страны, традиционно боровшихся в первых рядах христианских войск против арабских завоевателей.

Для эпического сознания этих людей было характерно то, что объектами национальной гордости они считали не великие подвиги, знаменитые битвы, в которые вовлекались тысячи участников, а сражения менее значительные, случившиеся зачастую на периферии главных направлений

освободительной борьбы. Для сравнения вспомним «Песнь о Роланде», где описывается гибель арьергарда войска Карла Великого, «Песнь о Сиде» а также «Слово о полку Игореве». В названных произведениях национального эпоса перед читателем предстают как бы детали, фрагменты чего-то значительно более крупного. Это те самые детали, в которых угадываются наиболее характерные черты эпического сознания данного народа в данное время.

Относительно поэтической формы, которую использовали испанцы в своих эпических произведениях, можно сказать, что ее самобытный ассонанс неравносложных строк, возможно, повлиял и на особенности формы начального французского эпоса. Другая важная особенность испанского эпоса – его речевой формуляризм и возможная связь с эпосом германских исторических песен – до сих пор практически не изучена. Из приведенных выше рассуждений следует вывод: в сумме, составляющей общенациональный жанр, языковой компонент не является определяющим. Отсюда эпос, с точки зрения формы и некоторых элементов содержания, может заимствоваться родственным по языку народом, а иногда даже народом другого языка. Это – общелитературная закономерность, подтверждаемая развитием романских литератур.

Испанский эпос в конкретных исторических условиях формирования общенародного государства не мог не заимствовать элементы эпического мышления у готов, не откликнуться на перипетии и идейные установки освободителей борьбы. Сложность установления заимствований заключается прежде всего в том, что материалом для нового эпоса послужила конкретная действительность Испании, а также речевой формуляризм испанского языка. Последнее обстоятельство внесло путаницу в вопрос о французском влиянии на испанский эпос. Даже допуская его возможность, что еще нуждается в строгом доказательстве, следует признать, что французское влияние могло быть скорее на речевом, поверхностном уровне, тогда как германское – на уровне историческом, глубинном.

В завершение напомним слова крупнейшего знатока испанского эпоса Р. Менендеса Пидалья: «ни в классической, ни в средневековой литературе на латинском языке не существовало явлений, от которых могли бы вести начало исторические песни, средневековый героический эпос. Поэтому было бы единственно разумным решением непосредственно связать этот жанр с исто-

рическими песнями германских народов, которые, как нам доподлинно известно, существовали в вестготской Испании и в Галлии Каролингов и Меровингов» (Пидаль, 1961). Это, понятно, решение литературоведа, хотя и в нем есть свои несоответствия с сегодняшним подходом к вопросу. Например, почему это «единственно разумное», если известно, что в периодизации эпического наследия выделяются четыре вида эпических поэм, причем, как показывает история, у каждого данного народа бытует лишь одна из них, скажем, «животный эпос», но следующие уже не развиваются. Поэтому если у готов бытовал военный эпос (четвертый вид по классификации Чедвикова), то ожидать его «передачи по наследству» испанцам или готам-испанцам не приходится. Правда, мы можем предположить, что военные песни готов, упомянутые Пидалем, – это еще не эпос, но лишь его предпосылки, это еще не полностью развитый эпос. Во всяком случае, в этом вопросе теоретически есть свои сложности, если не считать «связывания этого жанра с историческими песнями германских народов» лишь риторическим оборотом, не несущим никакой смысловой нагрузки.

Если же под эпосом понимать устно передаваемые народные героические песни, сказания и поэмы, являющиеся предпосылками эпической поэзии народа, национальной эпопеи, то, скорее всего, нам следует согласиться с Пидалем, ибо о подобных произведениях история нам ничего не сообщает, однако она ничего не сообщает и о жанре, который теперь называют *sancioncillos de alhajib*, или харджа, свидетельствующем о наличии народных поэтических, лирических жанров на юге Испании уже в X в., по меньшей мере. Кроме того, очень важно отметить, что анализ языка харджа показывает, что и в IX и в X вв. это был романский, испанский язык, уже прошедший рубеж народной латыни и ставший языком, хотя нелитературным, но общенародным, понятным всем жителям полуострова. Этот аргумент особенно часто забывают при решении вопроса об эпическом жанре в Испании.

Здесь есть и одна тонкость, на которую почему-то не обратили внимания исследователи, в один голос заявляющие, что анализ харджа лингвистами не показывает никаких особых изменений в их языке сравнительно с другими источниками. Но известные нам тексты XI–XII вв. носят документальный характер, их стилистика и язык во многом определяются их жанром. Харджа – это уже живой язык народа, причем язык, закре-

пленный и обработанный традицией исполнения по мере двухвековой давности, однако традицией устной, а не письменной, что мы наблюдали и отмечали уже давно (Григорьев, 1983).

Смысл этих наблюдений сводится к тому, что между этапом бесписьменного языка народной литературы существует некий период формирования языка будущей литературы, в течение которого литература вырабатывает на основе чисто языковых механизмов (жанровые ограничители, языковые формулы, механизмы борьбы против языковых шумов, мешавших пониманию сообщения и др.) особый текст предлитературного языка, который опирается не на письменное, а еще только на устное, особого рода сообщение.

К сказанному можно добавить, что давно известно о существовании у испанцев хугларов, французских жонглеров и им подобных «записных книжек», куда записывался еще не текст, и это принципиально, но фрагменты текста, которые могли бы вызвать у певца воспоминания о нужном ему для устного воспроизведения тексте.

Подчеркнем, хуглар, несомненно, умел писать на латинском языке, вероятно, был способен записывать короткие сообщения на своем родном языке, но у него еще не было умения (практического) записать литературный текст стихотворения, поэмы и т. п. Указанный период формирования и был нужен для создания практики и традиции записи (создания) нового литературного текста.

Несомненно, отсутствие записанных эпических форм на любом языке на территории Испании облегчало проникновение в их протообразцы всякого рода бродячих и традиционных мотивов, в том числе и военных, которые связывались с готскими эпическими или историческими военными песнями. Другими словами, отвергая прямую связь готского эпоса или его предпосылок с создавшимся значительно позднее испанским эпосом, мы полностью поддерживаем вклад германских племен в создание (и латентное сохранение) мотивов и даже духа будущего испанского эпоса на уровне предлитературного текста.

Такая проблемно-текстовая постановка вопроса отличается от идей Пидалья, в ней нет противоречия между индивидуальной и традиционной поэзией, в ней нет проблемы двуязычия и проблемы сходной формы. Вместе с тем, о чем иногда забывают исследователи, в ней есть связь с прозаическими произведениями как готских, так и испанских историков времен ранней и поздней Реконкисты, которые создали историче-

скую прозу, опираясь на устные образцы народного творчества.

Для более широкого понимания проблемы любопытно было бы сравнить принципиально прозаическое произведение «Дон Кихот» с поэтическими формами искони испанского жанра – романса, который проникает в образную ткань романа и делает ее, можно сказать, прозаопоэтической. Но такого исследования еще не существует, хотя влияние романса на структуру «Дон Кихота» отмечали многие авторы, не исключая и Пидалья. Это будущее исследование могло бы опираться на общую идею о том, что распространение формул фольклорного языка и вторжение их в начинающуюся (романизованную) латынь способствовало становлению общелитературного языка, так как они несли в себе возможность и устной, и письменной передачи сообщения. По несколько иному поводу – сохранности устаревших архаических форм в поэзии – Пидаль справедливо пишет, что в XI в. поэзия имела достаточно широкое распространение и оказала слишком большое воздействие, чтобы позволить передать последующим векам многие необычные лингвистические формы (Пидаль, 1961) и, добавим, языковые формулы, включая сюда пословицы и поговорки.

Мы выделим и подчеркнем мысль о том, что отсутствие письменных литературных текстов на местном языке в период с V по XI в. не только делает возможным содружество двух народов, двух культур в создании предлитературных текстов, но даже требует этого. Кроме того, создание таких текстов должно рассматривать вопросы влияния как вопросы, прежде всего, интертекста, анализом различных версий которых и занимался Пидаль в практической части своей большой статьи о влиянии военной поэзии готов на испанскую эпическую поэму.

Попробуем с этой точки зрения посмотреть на ряд языковых формул, обязанных тем или иным эпическим ситуациям как германского, так и испанского эпоса (напомним, что до сих пор верность неравносложной метрике и исключительная архаичность ассоциативного стиха выдвигались как национальная основа испанской эпической поэмы).

Как пример нереализованных возможностей назовем формулы рассказа об отмщении из «Истории готов» Исидора Севильского, согласно которому был заколот своими приближенными король Теодискл (548) за прелюбодеяния, творимые с их женами. В мосарабском тексте X в. король Биттисик также был убит в Севилье за насилие

над девушками. Эти данные приводит Пидаль, говоря о преемственности испанского эпоса от германского, но, как ни странно, ученый забывает о еще более поразительном примере – романсе о Родриго, последнем короле Испании, поплатившемся жизнью за подобные привычки. В оценке этого нельзя ограничиться общим рассуждением, что-де человек не меняется. Речь идет именно о мщении, о кровной мести за обиду, что сближает варварское общество готов со средневековым обществом северной Испании IX–XI вв., короли упорно держались положения, что они не только продолжатели, но и потомки Толедских правителей.

Таким образом, тематическая ситуация кровной мести являлась общественно необходимой для обоих народов. Испанская эпика, помимо «Песни о Сиде», неоднократно подтверждает нам это.

Отсутствие самостоятельных женских образов, если речь не идет о родственных взаимоотношениях и если женщины не мстители за супруга или возлюбленного, можно принять за еще одну общую тему, общую ситуацию, сближающую эпос обоих народов.

Вместе с тем, даже этот приблизительный результат, перенесенный в сферу социальной характеристики, подтверждает положение о том, что, с точки зрения оценки, состояние общества при готах в Испании и в Испании уже новой, без готов, было во многом близким, схожим, за исключением, пожалуй, одной исторически не столь уж важной детали – первоначально готы еще использовали свой родной язык, а в дальнейшем перешли на разговорную речь народов Испании.

Здесь надо уточнить, являлось ли это обстоятельство для готов каким-либо препятствием для передачи основных элементов общих эпических ситуаций на чужом языке? Историк языка ответил бы однозначно: нет, не являлось. Историк общественных отношений был бы, вероятно, менее уверен, но, тем не менее, двухсотлетний период общего проживания при постоянных кон-

тактах и сотрудничестве не должен был пройти даром при условии постепенной, но постоянной потери собственного языка. Однако общественно необходимые ситуации всегда находят общий язык при своем воплощении, в особенности если речь идет о военных песнях, где повтор на любых уровнях значительно упрощает передачу жанровых языковых формул.

Таким образом, переходя от общих проблем эпоса к частным, языковым, мы пришли к выводу, что жанровую организацию готской исторической, или эпической, песни можно попытаться восстановить по испанскому образцу и проверить на германских эпических поэмах, так как сравнительное единство общественной организации готов и испанцев, происходивших от готов, это позволяет.

Давний спор о том, что романская эпическая песня является не героическим, но рыцарским эпосом, сегодня представляется малосущественным и скорее спором о терминах, что легко выявляется анализом и классификацией языковых формул того и другого, не говоря уже о языковых ситуациях, тем более ситуациях тематически близких.

В заключение повторим, что мы далеки от утверждения, что спор о готском происхождении испанского эпоса полностью разрешен, но, как кажется, он переведен в такую плоскость, где его разрешение зависит от имеющихся документов и опирается на общие положения лингвистики текста, которые позволяют сравнительно однозначно подойти к его решению уже в ближайшее время.

#### Библиографический список

1. Pidal Ramon Menendez. La Chanson de Roland. Paris. 1960.
2. Пидаль, Рамон Менендес. Избранные произведения [Текст] / пер. с испанского. – М. : Иностранная литература, 1961.
3. Григорьев, В. П. История испанского языка [Текст] : учебное пособие / В. П. Григорьев. Изд. 3-е. – М. , 2006.